

Ян Стрюйс и другие члены экипажа корабля «Орёл»

О Степане Разине

Фрагменты [[17.147](#)]

Ян Стрюйс.....	2
О происхождении казаков.....	2
Начало восстания	2
Погромы на Волге.....	3
Сражение Разина с морпехами Алексея Романова.....	3
Помилование. Скупка награбленного за бесценок.....	3
Встреча с Разиным.....	4
Персидская княжна: и за борт её бросает.....	4
Судебная практика Стеньки.....	5
Воинство русских корсаров	5
Из письма неизвестного члена экипажа «Орла»	6
Элементарный разбой	6
Гульба по Дону.....	7
Флот Разина	8
Переход царского флота на сторону Разина	8
Изведение офицерства, наущничество и рост численности армии Разина.....	9
Популизм и мания величия. Оскорбить шаха Персии	9
Взятие восставшими Камышина	10
Действия астраханского воеводы	10
Копия с письма Давида Бутлера, писанного в Испагани, 6 Марта 1671, с описанием взятия Астрахани	13
Приближение войск Разина	13
Ужасная резня в городе Астрахани.....	16
Пред Разиным.....	18
В плену.....	18
Резня продолжается.....	19
Избавление за откуп	19

Ян Стрюйс

О происхождении казаков

Есть два рода казаков: Запорожские и Донские.

Первые некогда зависели от Польши. Они живут обыкновенно на островах Борисфена или Днепра, который, пройдя Смоленск, пересекает Литву; потом, приняв на Воляни Припеть, течёт через Киев, в окрестностях которого они тоже иногда живут. Эта река наполнена множеством скал, называемых порогами, что на местном языке значит лестнички или ступени, которые разделяют воду и образуют более 50 небольших островов. Отсюда и жители названы Запорожцами т. е. за уступами (*То есть «за порожками» — Прим. ред.*).

Эти казаки обязаны были охранять Польшу и препятствовать всеми силами нападениям врагов, преимущественно Татар. Они получили название казаков от того, что легко бегают, так как коза; cosa на их языке значит коза или дух, esprit, и они полагают, что и тот и другая чрезвычайно легки.

Донские казаки живут по Дону или Танаису и находятся под властью Московского царя, впрочем не по принуждению, а добровольно: они подчинились его царскому величеству с условием управляться собственными законами, своим народным вождём, которого сами выбирают. Они пользуются и многими другими правами, которых не имеют сами Москвитяне.

Между прочим, замечательно то, что холоп знатного Москвитянина, укrywшийся между ними, становится на столько свободным, что его господин теряет на него право и не может употребить насилия для поимки. Из этих-то казаков произошёл знаменитый Стенька Разин, который дерзнул напасть на войско царствующего государя Алексея Михайловича.

Начало восстания

Предлогом к возмущению этого храброго казака послужило неудовольствие за то, что Московский воевода Юрий Алексеевич Долгорукий приговорил к смерти его брата, по следующему поводу. В 1665 году Московия вела войну с Польшей; брат Стеньки Разина привёл в царское войско под своей командой казацкий отряд. По окончании похода этот казацкий начальник просил у воеводы позволения увести обратно свой отряд; но потому ли, что Москвитяне ещё не могли обойтись без казаков, была ли у них к тому другая причина, только воевода отказал ему в просьбе.

Нетерпеливые казаки посмеялись над этим распоряжением и немедленно ушли под предводительством своих начальников без ведома брата Разина. Воевода, обиженный оскорбительным для его власти поступком, который причинял вред дисциплине, обвинил начальника преступников и приговорил его к виселице. Разина возмутило это до глубины души, и он обещал отомстить за брата, если бы даже это стоило ему жизни. Некоторые утверждают, будто Разин этим удачным предлогом прикрыл намерение произвести бунт, для того чтобы безнаказанно воровать. Это предположение имеет некоторое основание, так как он учинил такую же дерзость в отношении Персидского шаха, который не сделал ему никакого вреда, как то было по отношению к Московскому царю.

Как бы то ни было, в 1667 году он обнаружил свою злобу на Волге, захватывая и грабя все насады, passades, или барки, которые встречались ему на пути. На берегу он совершал такие же насилия во многих монастырях, разоряя алтари и не щадя ни мирян, ни монахов. Из Ярославля (?) и

Вологды (?), которые первые испытали его ярость, он отправился с тем, чтобы овладеть Яиком, где оставил сильный гарнизон. Он укрепил этот город, как место, которое хотел удержать.

Погромы на Волге

Потом возвратился на Волгу, доплыл до Каспийского моря и распространил везде страх и трепет. Разорив города и села, лежащие по этой реке, он поплыл к Таркам, Terku, пограничному городу в Персии и поступил с ним также, как с Московскими городами. Он навёл такой страх, что когда приближался к какому-нибудь месту, население бежало, что лишало его случая проявлять жестокость. Вот почему, чтобы удержать жителей, он употреблял хитрость, которая удалась ему во многих городах Московских, Мидийских и Персидских. Когда он приближался к какому-нибудь городу, то посылал сказать жителям, чтоб они не боялись, так как он идёт не обижать их, а купить необходимое для войска. Его посланцы, казалось, говорили так чистосердечно, что верили их добросовестности. Таким образом бежавшие в горы, или в другие места, возвращались в города, а не успевшие уйти оставались, полагаясь на его слово. Обольстив их, он ходил между ними, любезно разговаривал, а для того, чтобы уничтожить всякое подозрение, покупал и заставлял своих покупать различные товары, за которые приказывал хорошо платить. Успокоив таким образом умы мнимой безопасностью, он повёртывал шапку известным образом, что служило знаком для его шайки к истреблению жителей, которых принимались тотчас же сечь, имущество грабить и уносить.

Сражение Разина с морпехами Алексея Романова

Когда слух об этих беспорядках распространился в Астрахани, воевода счёл себя обязанным приостановить их, и с этой целью он снарядил 36 судов, на которые посадил более 4,000 человек. Начальство над ними он поручил третьему лицу Совета (управления в Астрахани), Симеону Ивановичу Львову, с приказанием отыскать Разина, где бы то ни было, и с ним сразиться. Неприятельский флот состоял из 22 судов, с шестью почти сотнями человек, место стоянки его было возле Четырёх-Бугров, маленького острова в устье реки. Здесь, на одном возвышении, казаки расставили для безопасности стражу. Кроме того, самое положение острова делало его неприступным, так как подойти к нему можно было только с одной стороны, с которой не рос камыш.

Не смотря на великое преимущество и предосторожность, казаки испугались и побежали, как только заметили нашедший их флот. Их старание избежать сего последнего удалось им так, что их долго преследовали напрасно.

Помилование. Скупка награбленного за бесценок

Между тем воевода получил помилование мятежника и передал ему об этом от имени царя, который прощал ему прошлое с тем, чтоб он принёс повинную и возвратился к своим обязанностям. Разин, не ожидавший такого счастья, тогда, когда у него не было больше чем существовать, принял предложение и исполнил то, чего желали. В то время, когда он получил прощение, шайка его дошла до такой крайности, что не знали, что станется с ними, когда они съедят лошадей, которых Персидский шах посылал его царскому величеству и которых они захватили, не заботясь о том, откуда они и кому их посылали. Таким образом никогда, ни для кого помилование не приходило более кстати. Как только они получили прощение, то расположились станом под Астраханью, откуда толпами отправлялись в город, одетые все до того роскошно, что

одежда самых бедных была сшита из золотой парчи или шелка. Большая часть носила даже венки, *cougones*, осыпанные крупным жемчугом и драгоценными камнями. Разина можно было узнать только по почёту, который ему оказывали, потому что не иначе как на коленях и падая ниц, приближались к нему. Когда к нему обращались, то запрещалось называть иначе, как батько, *batske*, что на их языке значит отец. Это прозвище присвоил он себе с целью запечатлеть в сердцах своих подчинённых более любви и уважения.

Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; росту высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и вместе любовь. Что бы ни приказал он, исполнялось беспрекословно и безропотно.

Люди его мало-помалу стали продавать городским купцам то, что они награбили в продолжении четырёх лет у Москвитян, Персиян и Татар. Они уступали вещи так дешёво, что можно было иметь очень большую прибыль. Фунт шёлку продавали по три копейки, а прочие товары соразмерно этому. За золотую цепь, длиною в сажень, заплатил я им только 40 рублей, что составляет на наши деньги около 70 флоринов. Можно судить по этому, какую выгоду получили Персияне и Армяне, которые купили почти всю их добычу.

Встреча с Разиным

Только и говорили о Разине, прославившемся своей смелостью, и смотрели на него, как на необыкновенного человека; поэтому наш капитан пожелал видеть его вблизи, и я был в числе тех, которых он выбрал себе в спутники. Мы застали его в шатре; с ним был его наперсник, по имени Чёртов Ус, *Mostaches de Diable*, и несколько человек других старшин. Прежде всего он приказал спросить нас, что мы за люди. Удовлетворив его любопытству, капитан подарил ему две бутылки водки, которую он принял с радостью, так как давно её не пил. Когда же он узнал, кто мы такие и что совершаем путь (находясь) в службе его величества, он сделал нам знак садиться и выпил за наше здоровье. Мы отвечали на его тост и ждали, что он спросит нас ещё о чем-нибудь и доставит нам возможность поговорить с ним.

Но, так как он почти ничего не говорил и не изъявлял никакого желания узнать точнее о том, что привело нас в этот край и по какому случаю царь принял нас в службу, то мы простились с ним, а он передал нам, что ему будет очень приятно, если мы ещё навестим его. Действительно, мы ещё раз посетили его и застали на реке в лодке, выкрашенной и вызолоченной. Здесь он пил и веселился с некоторыми из старшин.

Персидская княжна: и за борт её бросает...

Около него сидела Персидская княжна, которую он увёз с её братом во время последних набегов. Брата её подарил он Астраханскому воеводе, а любимую им княжну оставил у себя. Пируя целый день, он напился допьяна: вот эта-то невоздержность стоила жизни несчастной Персиянке. Будучи сильно пьян, он облокотился о край лодки и, смотря задумчиво на Волгу, после нескольких минут молчания, вскричал: «Нужно признаться, ни одна река не может сравниться с тобою, и нет славнее тебя. Чем только я ни обязан тебе за то, что ты доставляла мне столько случаев отличиться, и за то, что дала средства скопить столько сокровищ? Я обязан тебе всем, что имею и даже тем, чем я стал. Но в то время, как ты составляешь моё богатство и осыпаешь меня благодеяниями, я испытываю неприятное чувство неблагодарности. Хотя бы это и произошло от бессилия, она все-таки не оправдывает меня и не лишает тебя права жаловаться на меня. Ты, может быть, поступаешь так даже теперь, когда я говорю, и мне кажется, что я слышу твои жалобы

и упрёки за то, что я не позаботился предложить тебе что-нибудь. Ах, прости, любезная река! Я признаюсь, что обидел тебя и если этого признания недостаточно для того, чтобы успокоить твой справедливый гнев, я предлагаю тебе от чистого сердца то, что мне дороже всего на свете; нет более достойного изъявления моей благодарности, и ничто не может доказать лучше моё почтение за милости, которыми ты осыпала меня». С этими словами он подбегает к княжне, (хватает) её и одетую в золотую парчу и разукрашенную жемчугом и драгоценными камнями бросает в реку.

Бедная эта княжна заслуживала, без сомнения, лучшей участи, и все пожалели о ней. Не смотря на благородное происхождение и печаль от того, что была в власти человека жестокого и грубого, она тем не менее была бесконечно снисходительна к нему и никогда не роптала на него за свою неволю. Как бы ни был Разин груб, нужно полагать, что только в припадке сумасшествия, он мог совершить подобную жестокость: до этого случая он казался более справедливым, нежели бесчеловечным.

Судебная практика Стеньки

Во время пребывания моего в Астрахани я видел пример его гнева против нарушителя супружеской верности. Некто соблазнил чужую жену; оскорблённый муж пожаловался. Чтобы отомстить за него, Разин приказал привести виновных и, узнавши, в чем дело, велел бросить мужчину в реку, а женщину повесить за ноги. Она бедная жила в таком состоянии двое суток и, не смотря на то, что голова её распухла, как подушка, не сильно кричала и (вообще) не показывала, что испытывает невыносимые страдания.

Воинство русских корсаров

Так как людей его можно было встретить всюду, то я не упускал случая поговорить с ними, чтобы разузнать об их действиях. Не будучи в состоянии понять, как 300 или 400 человек наводили на всех ужас, я расспрашивал некоторых, как это могло случиться. Они отвечали мне, что действительно, при возвращении в Астрахань, их было 300 или 400 человек, а несколько раньше они составляли войско в 6,000 человек, когда же были все в сборе, то завладели: Низабатом, Скабараном, Мордувом, Mordouvi, и Такузом, Tachusî, приморскими Персидскими городами, которые лежали недалеко от горы Бармака, Varmach. Оттуда направились они в Астрабад и Баку, где все предали огню и мечу.

В сем последнем городе они нашли очень хорошее вино, которым и упились; а жители воспользовались этим случаем и изрубили всех, исключая 400 или 500 человек, спасшихся в лодках. Если бы телохранители Разина не употребили необыкновенных усилий для его обороны, то он не миновал бы смерти или плена. Этот роковой день ослабил их до такой степени, что они не решались больше на важные предприятия. К тому же Персияне, казаки и Дагестанские Татары так хорошо охраняли свои берега и горы, что они не знали, куда направиться; в такой-то нерешительности они удалились на остров Четырёх-Бугров, где выжидали времени, чтобы оправиться от этого страшного поражения...

Из письма неизвестного члена экипажа «Орла»

Элементарный разбой

14-го вышли в море в том месте, где Волга впадает в него несколькими рукавами, образующими множество островов, окружённых тростником, исключая Четырёх-Бугров, который окружён цепью скал. На одном утёсе мы увидели хижинку, которую Разин приказал выстроить для того, чтобы подстергать проезжих. И вот, как только его соумышленники замечали (на море) какие-нибудь суда, то гнались за ними и грабили...

13-го мы были в виду Астрахани, которую салютовали на следующий день одиннадцатью пушечными выстрелами и тремя залпами из ружей, после чего снялись с якоря и вышли в море, (ставши) недалеко от города. На пути нас уведомили, что казаки рыскают по Волге; а в Астрахани узнали, что 3,000 Москвитян преследуют их (и все) ждут известия об успехе их предприятия.

Три года тому назад эти казаки причиняли много вреда на Каспийском море и год тому назад отняли у царя город Яик, где умертвили более 8,000 человек и совершили великие злодеяния. Из этого города они отправились в Персию, в которой овладели тремя городами, а с жителями поступили так, как в Яике; будто их предводитель, по имени Стенька или Стефан Разин не более 15 дней тому назад захватил Персидское судно (бусу), нагруженное драгоценными товарами и несколькими лошадьми, которых Персидский шах посылал царю.

17-го воевода прибыл на наш корабль, где получил известие, что казаки раскаялись в своей вине и предадут себя во власть его величества и уже возвратили вышеупомянутых лошадей. Новость эта была принята с такою радостью, что воевода приказал нам выстрелить из всех наших пушек, Мы дали несколько залпов.

19-го явились три казака и, в качестве послов, просили у воеводы позволения видетсья. Они были одеты великолепно, шапки же были украшены множеством жемчугу и бриллиантов. Обращаясь к самому молодому из них, говорившему от имени казаков, воевода сказал, что царь милует их предводителя и забыл прошедшее. Посланные осмелились просить, чтобы их предводитель был принят с почестями; но воевода отвечал, что это невозможно по причине им небезызвестной, да ему и самому, куда он ни являлся в качестве воеводы, нигде не отдавали особенных почестей. Затем он повёл их к себе. Здесь посланные роптали на то, что им слишком долго, по их мнению, не дают водки.

21-го, с утра, показался Московский флот, состоявший из 50 судов, на которых было более 3,000 человек и на каждом по одному или по два литых орудия. В два часа появился казачий флот, состоящий из 23 парусных судов. Вечером воевода прислал на наш корабль 200 Москвитян.

Подойдя к городу, флот дал залп из всех орудий, на что казаки, которых было не более 1 000 человек, отвечали всеобщей пальбой из своих орудий. Когда Москвитяне удвоили пальбу, казаки сделали то же. Затем мы дали залп из 200 ружей и 13 пушек. Спустя некоторое время, Москвитяне, проходя вблизи нашего корабля, дали третий залп, на который мы отвечали по-прежнему. Когда же они удалились, казаки заняли покинутый ими пост.

22-го казаки опять поднялись по реке и отошли на столько, что мы потеряли их из виду. С этого времени было запрещено посещать их. В тот же день некоторые из них, богато одетые, отправились в Астрахань, куда на следующий день явился их предводитель. Тогда же решено было удерживать в городе его оружие и знамя. Человек этот жесток и груб, в особенности в пьяном

виде: тогда величайшее удовольствие находит он в мучении своих подчинённых, которым приказывает связывать руки над головою, наполнять желудок песком и затем бросает их в реку.

Ему сорок лет. До сих пор он производил одни жестокости, заставляющие ненавидеть его. Говорят, будто он лишил жизни несколько тысяч Москвитян и более сорока тысяч Персиян, с которыми живёт в согласии.

Гульба по Дону

Разин и его шайка, оправившись от перенесённых во время бунта бедствий, томилась столь долгим отдыхом и вздумали возвратиться на берега Дона, где Разин, пользуясь большим влиянием, должен был собрать новые силы. Во время пребывания в Астрахани он жил так, что расположил в свою пользу самых безучастных. Так как у него не было недостатка в деньгах, то он употребил их для того, чтобы привлечь на свою сторону многих старшин, которые последовали за ним на родину.

Большая часть простого народа и солдат, теснившихся толпами вокруг него, когда он показывался на улицах и нередко бросал горстями червонцы, питала к нему сильную любовь, а многие перешли к нему, поклявшись в верности и в том, что не покинут его никогда. И вот, без ведома воеводы, под сильным прикрытием, выехал он из Астрахани. Это удаление поразило верных подданных царя, так как для них не оставалось сомнения, что он ушёл с целью производить новые опустошения и кровопролития. Зло было слишком велико, и воевода счёл нужным предупредить его, запугав главу мятежников. Он отправил к нему капитана Ведероса.

Сей последний, представив ему прежде всего великую опасность, которой он подвергал себя без причины, так как, после помилования, избавился от всякой неприятности; что по дружбе советует ему возвратиться; если же оставит (увещание) в пренебрежении и последует своему замыслу, то от него потребуют возврата подданных царя, а в случае сопротивления он лишится милости, и пусть не надеется больше пощады.

После этих слов Разин, страшно взбешённый, спросил капитана, как он дерзнул принять такое поручение; подумал ли он об опасности, которой подвергается, да известен ли ему характер Разина? По мере того как он говорил, все сильнее распался гневом и чуть было не изрубил капитана, но к счастью сего последнего, излил свой гнев в проклятиях. Да смеешь ли ты, продолжал он, делать мне такое для моей славы позорное и для друзей пагубное предложение? Думаешь ли ты, что я так подл, что пожертвую ими гневу того, кто тебя послал? Если ты так думаешь, то на чем основываешь своё низкое мнение? Что я сделал недостойного своему званию и достоинству? Ты не отвечаешь? Молчишь? Что? Хватило наглости явиться ко мне с твоими странными советами, а нет духу отвечать мне? Ступай, несчастный, я милую тебя из жалости.

Возвратись к своему господину и скажи ему, что я не думаю ни о нем, ни о царе. Он советует мне отослать к нему моих друзей! Скажи ему, что вот мой замысел: он увидит меня раньше, нежели думает, и что я скоро приду наказать его за дерзость. Впрочем, ты можешь ему дать следующий ответ, который лучше, нежели его предложение: «Я князь рождённый свободным и независимым; власть воеводы слабее моей. Наверное он не знает об этом, а для того, чтоб поведать ему о том, я и przygotowляюсь навестить его». Говорил он при этом ещё много, но окончания речи капитан ждал с крайним нетерпением, каждую минуту опасаясь, что Разин переменит мнение и не даст ему возможности возвратиться восвояси. Набравшись смертного страха, он получил, наконец, позволение возвратиться, которым он немедленно воспользовался с поспешностью, на какую лишь способен испуганный человек.

Флот Разина

После ответа Разина воевода был на стороже и придумывал средства обуздать его наглость. Едва успел он подумать об этом, как явился флот, состоящий из 80 судов. Сначала не верили, чтобы это был флот Разина, так как у него было мало времени снарядить его; но скоро убедились, что это был именно он и, судя по виду (флота), можно было думать, что у него нет намерения возвратиться, ничего не совершив. Весь экипаж был в полном порядке, а каждая лодка была снабжена камнеметными мортирами и хорошими воинами, жаждущими добычи и с нетерпением ищущими удобного случая для выполнения своего замысла.

Между тем начальник их не позволил им сделать ни одного нападения на неприятеля с единственной целью узнать положение дел в Астрахани. С своей стороны воевода ожидал судов, посланных ему царём, без чего не решался что-либо предпринять. Между тем Разин через своих шпионов узнал обо всем, что делалось, и так расположил умы в свою пользу, что нисколько не боялся приготовлений, предпринимаемых против него.

Переход царского флота на сторону Разина

Когда ожидаемые суда приплыли, воевода, с полной уверенностью послал их против неприятеля, который вовсе не испугался их, а выразил удовольствие. В Астрахани воображали, что одной тени этого флота было достаточно обратить его в бегство, или тотчас же погубить, если б он дерзнул выждать его. В самом деле царский флот состоял из гораздо большего числа судов, нежели у Разина, да на них было 6,000 хороших воинов, которые, без сомнения, разбили бы его, если бы дело дошло до боя; но находчивый Разин прибегнул к хитрости, которая удалась ему.

В его шайке было множество преданных ему Москвитян, которым он предложил пробраться к врагам и обещать им все, чего они пожелают, лишь бы они приняли его сторону. Так как те искали только случая оказать ему одолжение, то бросились туда, куда он посылал их, и подкупили воинов, которые изрубили старших начальников и предали ему остальных вместе с судами. Новый властелин принял их необыкновенно ласково; велел им выдать жалованье за два месяца вперёд и произнёс пред ними такую речь. «Наконец, друзья, вы свободны, а ваш поступок избавляет вас от притеснений господ. Их мучения так жестоки и тяжки, что нужно удивляться, как вы столь долго переносили и не тяготились ими. Но правосудие Господне избавило вас от них: Его тронули ваши слезы. Он послал вам освободителя, избавившего вас от гнёта, под которым вы стонали; он будет любить вас, как детей своих, и заботиться о вас, как отец. В благодарность за это я прошу у вас только искренней любви, непреклонной верности и непоколебимой твёрдости против коварства ваших врагов. Бог отдал вас под моё покровительство для того, чтоб уничтожить их. Помогите моим усилиям и верьте в (счастливое) окончание начатого». После этих слов Москвитяне, тронутые его щедростью, поклялись ему в том, что готовы следовать за ним всюду, что усердно и вечно будут служить и на самом деле докажут ему, каких слуг он приобрёл. Слова эти сопровождалось одобрением, applaudiss-mens, всего войска и общим криком: «Да здравствует князь, да здравствует наш отец! Да поможет ему Бог уничтожить всех мучителей».

В то время, когда Разин торжествовал, печаль господствовала в Астрахани, где воевода, поражённый низостью посланных им людей, напрасно придумывал средства возвратить его. В довершение горя, он узнал, что народ презирал его, что он хвалил только Разина и что в соседних городах только и говорили о бунте и возмущении. Везде воины роптали и говорили открыто, что они покинут службу, потому что нечем было им больше платить; так как деньги, назначенные для них, были употреблены на другое, то несправедливо подвергать по-прежнему опасности свою жизнь, о которой так мало заботились. Некоторые говорили, будто они уверены, что им не

заплатят за год; что злоупотребляли их доверием и что они были сумасшедшими, что позволили с собой обращаться таким образом. Все эти речи клонились к явному возмущению; но ничего не делалось из опасения беспокоить умы.

Изведение офицерства, наущничество и рост численности армии Разина

Между тем Разин, имея от 15,000 до 16,000 человек, послал одну часть в Царицын, другую в Чёрный Яр, а сам выжидал с остальными, которые отдавали ему такие же почести, как царю. Потому ли что он был ослеплён удачею, или от природы был тщеславен, только он уснул среди наслаждений; но прежде всего совершил злодеяния, за которые его возненавидели бы, если б он не позаботился предупредить это. Он находил удовольствие, во время попок, умерщвлять тех, кого обвиняли в малейшей ошибке; часто даже собственноручно рубил их, с тем однако ж различием, что щадил всегда воинов и приносил в жертву своему (гневу) только дворян, казавшихся ему подозрительными.

Он позволил даже воинам жаловаться на своих начальников, которых строго наказывал, не расследуя их вины. Таким способом привлекая при всяком случае простых воинов, он был так любим ими, что они исполняли любое приказание его с радостью, да ещё разглашали везде, что он был единственный в мире человек, который достоин такого повиновения.

Слух об его снисходительности к ним так распространился, что менее нежели в пять дней он приобрёл войско в 27,000 человек. по дорогам только и встречались толпы холопов и крестьян, шедших к нему. Только и речи было, что об истреблении дворян: каждый крестьянин, каждый холоп умерщвлял своего господина и приносил его голову Разину, который хвалил и награждал их с целью поощрять очищение земли от подобных чудовищ (так называл он дворян) и не допускать их до самовластия. Таким образом поместья пустели. Так как благородное происхождение считалось главным преступлением, то дворяне должны были для сохранения жизни спасаться в городах, в холопском платье.

Скопища Разина росли с каждым днём, и он стал так заносчив, что все считал ниже себя и не сомневался, что скоро будет на престоле. Как он ни был скрытен, легко было заметить, что этого именно он и добивался; но народ, мало проницательный, не мог себе представить, чтобы человек, отказывающийся от титула князя, царя, повелителя и называющий себя братом, ровнею и товарищем, осмелился бы искать престола.

Популизм и мания величия. Оскорбить шаха Персии

Он привлекал простаков этою ложною скромностью и презрением, как он выражался, к скипетру и к тем, кто обладал им. В его душе, полной тайной гордости, зародилась мысль сравняться с венценосцами, по-видимому для того, чтоб обесчестить их, а в сущности для того, чтобы приучить своих подчинённых отдавать ему такие же почести.

Когда он считал себя уже в силах оскорблять их, то начал с Персидского шаха, к которому послал письмо следующего содержания: «Брат! Бог, управляющий государями иначе, нежели обыкновенными людьми, ныне внушил мне любовь к тебе и искать союза с тобою для того, чтобы соединиться против притеснителей. Я окинул взором соседей и не нашёл никого, кто был бы достойнее тебя моей дружбы. С целью предложить тебе её, я и посылаю послов; я думаю, что у тебя слишком много здравого смысла, и ты не откажешься от такого выгодного предложения. Поэтому, не ожидая твоего ответа, я считаю тебя другом, на которого полагаюсь. У меня бесчисленное войско и столько же богатств, но нуждаюсь в боевых запасах и жизненных

припасах. Если у тебя их больше, нежели сколько тебе нужно, удели часть своему союзнику, я же заплачу тебе за них наличными деньгами. Я не думаю, чтобы тебе отсоветовали прислать это мне; но если так случится, то будь уверен, скоро увидишь меня во главе 200,000 человек за тем, чтобы взять открытою силою то, что можешь дать добровольно. Если этого будет мало для того, чтобы научить тебя своим обязанностям, то я хочу, чтобы ты узнал моё решение – заплатить твоею кровью за то, что я побеспокоюсь насильно явиться к тебе».

Персидский шах назначил аудиенцию послам, которые осмелились поддерживать содержание письма. Вместо ответа шах велел умертвить их, кроме одного, что тотчас же и было исполнено, а тела их брошены собакам. После казни шах велел привести пощаждённого и сказал ему: «Я дарую тебе жизнь для того, чтобы отослать тебя к своему повелителю. Скажи ему, что я не буду ждать его к себе, а сам пошлю к нему навстречу таких хороших копейщиков, что он лучше поступит, если уйдёт от них и избегнет смерти, какая постигла твоих товарищей». Этот несчастный посланец был так близок к смерти, что с трудом верил спасению, хотя и далеко уже был от Персидского двора. Когда он передал о своём посольстве, то повелитель его пришёл в ярость и, не зная, кого винить за презрение, которое ему оказал (шах), излил своё бешенство на несчастном посланце, которого изрубил саблею. Его люди изрезали его на куски и бросили на живодёрню.

Взятие восставшими Камышина

Несколько дней спустя, Разин узнал, что несколько полчищ идут на соединение с ним. Но так как этого, не переволакивая судов, нельзя было сделать, то он придумал средство избавить их от такого труда и достиг этого следующим образом. Зная, что Камышин расположен при устье Еруслана, который впадает в Дон, а сей последний соединяется (?) с Волгой, он расчёл, что этот город был бы очень удобным для него и что необходимо овладеть им. План был хорошо составлен; но его трудно было выполнить, так как город был очень укреплён, постоянно хорошо снабжён и усердно защищаем. Чтобы избежать медленной и правильной осады, он прибегнул к военной хитрости, которая удалась. Из перешедших к нему Москвитян он выбрал часть и послал их в город. Сии последние, хорошо наученные, ловко притворились ревнителями отечества и предложили свои услуги так чистосердечно, что их сочли за благонамеренных. Будучи с большею частью гарнизона, они обеспечили себе его помощь, и все вместе в полночь овладели всеми воротами и сторожевыми постами, зарезали воеводу и начальников; все же остальные последовали их примеру. Затем изменники выстрелили из пушки, чтобы дать знать об успехе, после чего Разин послал войско, которое овладело городом и берегло оный для него.

Действия астраханского воеводы

(Сентябрь 1669 г.)

Когда узнали в Астрахани, что бунтующие Москвитяне предали Камышин Разину, то считали себя безнадежно погибшими. Не знали уже, кому и довериться и почти не сомневались, что скоро будет другой повелитель. Воевода, видя общее смятение, собрал совет, на котором представил положение дел и напомнил об обязанности каждого указать ему средства, прямо ведущие к цели и наиболее верные для обращения (изменников к своему долгу).

Многие говорили, что зло достигло высшей степени и что так как начальник бунтовщиков не в силах держаться, то власть его будет непродолжительна, что он тем менее будет в силе, что за ним следует только простой народ, легкомысленно-доверчивый и непостоянный, поэтому-то достаточно быть настороже и препятствовать народному волнению.

Большая часть была противного мнения. Они утверждали, что поступать таким образом значит оказывать милость бунтовщикам и поощрять колеблющихся следовать их примеру. Отсюда выводили заключение, что надо напасть на них в их собственном стане и что вследствие этого по меньшей мере одни рассеется, а другие, напуганные, останутся на своих местах. Так как верность простых воинов была подозрительна, потому что их прельщало своеволие, которым пользовались их товарищи у Разина: то многие дворяне предложили занять их места и были приняты с похвалою.

Таким образом думали об исполнении принятого плана. Так как следовало опасаться, что прежде всего осадят Царицын, то начали с того, что послали туда, под надзором дворянина Леонтия Богданова, 800 человек, из которых половина были Москвитяне, а другая – Ногайские Татары, которые должны были охранять обоз с боевыми снарядами и съестными припасами, в коих нуждался этот город. Он лежит от Астрахани в каких-нибудь 80 милях и простирается (?) до Дона, на берегах которого, как мы уже сказали, живут казаки. Многие думали, что эта река непосредственно впадает в Волгу, но я убедился в противном и со всем нашим экипажем могу уверить, что эти две реки не имеют никакого сообщения и что казаки должны идти сухопутно целый день для того чтобы переволочить свои лодки из одной реки в другую, чего бы они не сделали, если бы верно было, что соединение этих двух рек могло бы избавить их от этого труда.

После выступления 800 дворян, Богданов уведомил воеводу о том, что он узнал от одного казака, взятого в плен Москвитянами, будто мятежники вступили в Царицын, где утертвили более 1,200 человек гарнизона. Он прибавлял, что Татары разделились и бьют беспощадно друг друга. Так как его помощь опоздала, то он удалился в Чёрный Яр, где рассчитывает простоять до прихода неприятеля; узнал ещё, что Москвитяне так жестоко измучили этого несчастного казака, что самые грубые из его врагов выразили к нему сожаление.

Мятеж все усиливался; вооружили все лодки, взятые из ближних мест, а несколько дней спустя их было около 40, из которых каждая была снабжена маленькой чугунной пушкой. Собралось более 2,600 Москвитян и 500 Астраханцев, над которыми принял начальство князь Семён Иванович Львов. Этот отряд был взят из Астраханского гарнизона; полковником в нем был Поляк, по фамилии Рожинский, а помощник Виндронг, Шотландец. Другие иностранные офицеры были: Павел Рудольф, Немецкий капитан, Роберт Гейт, Английский капитан, и Николай Скак, который был произведён Русскими из лейтенантов нашего корабля в капитаны. Было ещё два поручика и несколько прапорщиков – Немцы. Остальные были Русские или Поляки. Флот этот вышел из Астрахани 25-го Мая, в Троицын день. Чтобы настрашать воинов и заставить их исполнять свои обязанности, во время салютов перед отплытием, в виду всего флота, повесили бедного полуживого казака.

Как только флот отплыл, Астраханская чернь, до тех пор только роптавшая, нахально излила свою злобу на действия воеводы, Офицеров и даже пригрозила им. Но что она ни делала, воевода не показал даже вида, что слышит их, откладывая наказание их до возвращения флота, в желанном успехе которого не сомневались. К тому же, так как гарнизон был слабее обыкновенного, то опасались, чтобы, в случае возмущения, народ не превозмог. Между тем узнали от одного бежавшего дворянина, что враги завладели Черным Яром, Tzornojar, который взяли приступом в тот самый день, когда к нему подошёл флот, что изрубили всех, не пощадив никого, а солдаты Московского флота, утертвив всех своих офицеров, сдались победителю, несмотря на то, что за четверть часа до этого присягнули в том, что положат жизнь свою за дело государя.

Этою новостью, встревожившею начальство, усилилась дерзость народа; уже раздавались глухие и скрытые жалобы; злобу на воеводу выражали нагло, его поносили и оскорбляли при всякой встрече. Нашлись даже смельчаки, которые сказали ему, что он довольно хозяйничал и что теперь

настала очередь управлять властелину, более сведущему и достойному. Богачи и дворяне не смели показываться в народе и ежеминутно опасались, чтобы народ не перебил их.

Это буйство, которого большая часть дворян испугалась, не помешала воеводе водворять повсюду порядок. Он положился на бывших в городе Немцев и, в ожидании помощи, которую слали ему из Московского государства, вверил им первые должности, поручил охранять артиллерию и приблизил их к себе. В подобных обстоятельствах он полагал, что иностранцы будут вернее жителей, и безопаснее вверить охрану города им, нежели злонамеренному народу, который искал только случая, чтобы заявить преданность врагу государя.

Не смотря на все эти предосторожности, мы думали, что воевода не будет в состоянии рассеять грозу, готовую разразиться над городом. Полчища Разина росли с каждым днём, он одерживал большие победы, и счастье всюду сопровождало его. Каково же было сопротивляться ему?

Так как мы полагали, что это невозможно, то умоляли воеводу, желавшего удержать нас, возвратить нам свободу, которою мы пользовались, когда пристали к берегам Астрахани, и принять во внимание то, что мы должны были исполнить другие приказания по службе его царскому величеству. Если бы мы не имели намерения продолжать наше путешествие, то не боялись бы вмешиваться, не сомневаясь в том, что Разин, знавший нас и нашу преданность государю, поступил бы с нами жесточе, нежели с другими. Вот почему мы решили не только оставаться свободными, но даже искать случая удалиться.

Хотя в городе было достаточно военных запасов для того, чтобы сопротивляться стотысячному войску, и, как бы ни был силен неприятель, с его стороны было бы безрассудно осаждать его: тем не менее пронёсся слух, что он с бесчисленными полчищами приближается очень быстро. По мере того, как слух этот рос, наглость черни усиливалась, что заставляло подозревать тайные сношения одной стороны с другой. Так как воевода и мы были здесь не в безопасности, ибо нам угрожали тем, что мятежники нас первых принесут в жертву своей жестокости: то капитан собрал нас и, объяснив, что мы, вместо того чтобы покинуть город, подвергаемся опасности быть в нем запертыми, распорядился, наконец, чтобы каждый сегодня же, захватив свои лучшие пожитки, возвратился на корабль и был готов к отплытию в Персию. К этому он присовокупил, чтобы мы не замедлили явиться на корабль прежде, нежели запрут городские ворота, так как было решено не ожидать никого, из опасения, чтобы, узнав об этом, не помешали бы нашему отплытию.

Хотя времени было мало, но мы с такою радостью уходили из этого города, что успели в точности исполнить распоряжения. В назначенный час было готово, и наши вещи были сданы на руки штурману, pilote. В нашем экипаже были женатые с детьми. Одного звали Корнелий Брак, а другого – Яков Трапен, Jacob Trappen.

Впрочем, капитан запретил уведомлять их об этом (отъезде), не желая брать их на своё попечение во время такого продолжительного плавания. Но так как я находил, что это запрещение противно чувству любви к ближнему и было бы жестоко предавать своих соотечественников ярости черни, которая не пощадит их, то и уведомил их о полученном приказании и устроил так, что первый из них явился на корабль с женою и ребёнком. Что же касается Якова Трапена, то он сказал, что нет у него денег и он не знает, откуда их достать, а потому и не осмелится покуситься на такое предприятие. С выражением такого горя описал он мне своё затруднительное положение, что я весьма пожалел, что не могу дать ему займы денег и тем извлечь его из места, в котором он должен был подвергаться величайшему бедствию и ежеминутной опасности погибнуть под развалинами города, или быть убитым чернью, которая со дня на день разъярялась сильнее на воеводу, безнаказанно угрожая ему и даже начиная оскорблять его. К спасению не было никакого средства, в особенности, если бы Разин осадил город; в чём почти уже не сомневались, так как

уверяли, что он недалеко, и силы его превосходят всякое вероятие. Таким образом этот бедный человек подвергался ярости бунтовщиков, наглости жителей и ужасам нищеты. Не смотря на все это, надобно было уступить необходимости и положиться на святое Провидение, которому мы и предали его. Оставив его, мы, в числе пятнадцати человек, сели в шлюпку. Так как не являлись наш капитан и двое из экипажа, Бранд и Термунд, то мы ждали их до того, что боялись очутиться в беде.

В самом деле, следовало опасаться, чтобы нас не открыли; в этом случае с нами наверное обошлись бы дурно, так как воевода дал понять, что он не желает, чтобы мы возвращались на свой корабль прежде, нежели утихнет волнение. Эти и некоторые другие причины смутили дух и пробудили нетерпение некоторых, боявшихся дурных последствий от дальнейшего промедления и хотевших сейчас же ехать. Начальник корабля напомнил, что по совести они не могли этого сделать и, если из трусости покинут они своего капитана, которому обязаны многим, то их всякий осудит. Эти слова успокоили их. Прождали до полуночи, но затем согласились, что долее ожидать нет возможности, так как опасность была неминуема. Кроме того, можно было думать, что он или избрал для бегства другой корабль, или попался в плен.

Заметьте при этом, что нужно было опасаться, как бы жена бедного Трапена, о котором мы выше упомянули, будучи не в состоянии молчать, не открыла нашего местопребывания. И так, отчалили мы от берега смело, ибо стоявший между нами и городом наш корабль скрывал от жителей шлюпку, что способствовало нашему побегу. К тому же Астраханцы далеки были от мысли, что мы отважимся пуститься в море на таком непрочном судне. Так как терпение наше истощилось, а надежда оказалась тщетною, то мы наконец решили направить свой путь в Персию, хотя не сомневались в том, что предприятие это было сопряжено со многими неизбежными опасностями и тяжкими бедствиями...

Копия с письма Давида Бутлера, писанного в Испагани, 6 Марта 1671, с описанием взятия Астрахани

Приближение войск Разина

1-го Марта 1670 года прислан царский указ всем морякам явиться в Москву под страхом великого наказания. Наш экипаж повиновался весьма охотно. Мне же перед отъездом поручили снабдить наш корабль всем необходимым, так чтобы он не нуждался ни в снастях, ни в парусах, ни в съестных припасах; а главное, выстроить лодку, на которой можно было бы идти против казаков, если представится к тому случай. Эта лодка была готова и спущена на воду в Апреле.

2-го числа этого месяца составлен был отряд в 800 человек, частью Татар, частью Москвитян, который был отправлен в Царицын, под предводительством, господина Леонтия Богданова. Этот город, расположенный на берегу Дона или Танаиса, находится в 80 милях от Астрахани. Некоторые думают, что эта река впадает в Волгу, но их мнение неосновательно, и казаки употребляют целый день для перенесения из одной реки в другую своих лодок, которые выдолблены из толстого дерева. Казаки говорят по-русски и весьма мало отличаются от подданных царя.

28-го узнали от пленника противной стороны, что казаки завладели Царицыным, где изрубили гарнизон, состоявший из 1,000 или 1,200 человек. В тоже время получено было известие о том, что Татары, поссорившись, били друг друга, при чем Богданов удалился в Черный Яр, Chornojar, город средней величины, (лежащий) в 50 милях от Астрахани.

Как только это сделалось известным, воевода велел снарядить все, находящиеся в окрестностях суда и отправил их на помощь под начальством Ивана Рожинского, Польского полковника, помощник которого также получил приказание быть готовым к выступлению во главе 500 человек, все почти Поляков или Русских, за исключением нескольких Немцев, Английского капитана Роберта Гейна, и Николая Шака, моего помощника, которого произвели в капитаны.

В Понедельник 25 Мая отправили сорок лодок, с 2,105 человеками, взятыми большею частью из гарнизона, за исключением вышеупомянутых 500 человек. В этот день в виду всей армии повесили пленного казака, о котором мы говорили выше (?), подвергнув его страшным мучениям. С этого времени в городе слышался ропот: только и говорили о бунтах, мятежах и возмущениях. Во время этих смут возвратился гонец, посланный царём к Персидскому шаху, и я купил у его хирурга шёлковых тканей и 480 кож.

4-го (Июня) узнали от некоего дворянина, что Москвитяне, предводительствуемые полковником Семёном Ивановичем (Львовым?), подошёл к Чёрному Яру, взбунтовались в тот же день под предлогом, будто неприятель был сильнее и многочисленнее, нежели им сказали. Дворяне были все перерезаны за то, что хотели объяснить им, как важно для них оставаться в должном повиновении. Эта новость испугала всех жителей, а воевода (Астраханский) дал мне приказание позаботиться о пушках на столько, чтобы ни в чём не было недостатка.

5-го возмущение усилилось; перенесли в крепость все, находящееся на нашем корабле; зарядили пушки и приготовились противостоять черни (сапайле – сволочь), которая искала только случая снять личину и нанести оскорбление воеводе. Хирург, о котором я уже упоминал, знал нрав и наклонности Русских, уверял меня в том, что если неудовольствие их продолжится ещё несколько дней, то оно неминуемо разразится, а в таком случае мы будем не в безопасности, так как при таких столкновениях иностранцев убивают прежде всех. К этому он прибавил, что так как нам больше не платили жалованья, то мы не обязаны дольше служить и сделаем лучше всего, если уйдём вовремя от опасности; если же будем медлить, то гибель наша несомненна.

Хотя я не предвидел бедствий, о которых говорил мне этот человек, однако ж подумал, в виду грозившей Астрахани осады, о нашем удалении и запасе съестными припасами свыше, чем на год. Выслушав же его совет, я купил их ещё более и спросил своих офицеров, как, по их мнению, следует поступить в подобном случае.

Все были того мнения, что, ничего не говоря, следует удалиться, а, чтобы сделать это с большею безопасностью, они согласились взять с собою только своё платье; что же касается многих моих очень дорогих вещей, то они решили уложить их в мой большой чемодан, а маленький сундук и два большие сундука, окованные железом, наполнить множеством прекрасных тканей, которых мне не хотелось терять. После того я отдал приказ перенести съестные припасы так, чтобы никто этого не заметил.

На следующий день, согласно моему распоряжению, все было готово. Но на судне находились, не смотря на моё нежелание, жены двух матросов, из которых у каждой было по ребёнку, что расстроило наши планы, так как нельзя было предположить, чтобы судно, длиною всего в 26 футов, было бы достаточно для 23 душ. Таким образом, боясь, избегнув одной опасности, попасть в другую, – я изменил решение и решил, что достойнее будет выждать окончания этих смут и, если нужно будет, мужественно умереть, нежели погибнуть во время путешествия, успех которого был сомнителен, а гибель неизбежна.

Командир судна и хирург разделяли моё мнение, и я послал одного из них передать моё решение штурману, бывшему на судне с остальными людьми нашего экипажа; но он не мог этого исполнить, найдя ворота запертыми раньше обыкновенного. Я провёл ночь в беспокойстве, и,

хотя мои товарищи старались уверить меня в том, что они не уедут без меня, я сомневался в этом и не ошибся.

На другой день, как только отворили ворота, я послал матроса на судно, но нетерпение помешало мне дожидаться его возвращения: спустя минуту, я последовал за ним и увидел, что они уплыли. Все, оставшиеся со мной, так испугались, как будто наступил для них смертный час. Я, вероятно, испугался не более их, но подавил своё чувство и утешал их, как только мог. Оттуда я отправился к воеводе и уведомил об их бегстве, я объяснил ему причины, побудившие их к этому и уверял, что они поступили так не с целью соединиться с казаками. Удовлетворился ли он этим, или остался равнодушным, но показал, что это не беспокоит его. В тот же день дворянин, доставивший известие о возмущении Русских против своих начальников, был послан в Москву с известием о положении дел. Этот дворянин, приехавший со мной из Казани в Астрахань, сказал мне перед отъездом, что он не видел ничего, подобного ярости казаков против Русских, что первые, наверное, действуют за одно с народом и, без сомнения, город будет предан.

9-го Июня я осмотрел городские укрепления вместе с отставным Английским полковником, приехавшим из Терского, Terki, города, лежащего в земле Черкесов, в двух милях от Каспийского моря с крепостью, построенною одним Голландцем. Когда мы возвратились, воевода спросил, какого мы мнения на счёт укреплений и что необходимо было сделать для обороны города. На это полковник отвечал, что следует построить внешние укрепления, чтобы остановить первый приступ неприятеля. Я же сказал, что вместо того чтобы заниматься вещами, ни к чему не ведущими, следовало бы лучше объявить амнистию перешедшим на сторону бунтовщикам, если они возвратятся к своим занятиям; что между прочим следует склонять недовольных, а с предводителями их быть щедрыми, чтобы заставить их отстать от шайки. Моему совету не последовали. Между тем город охранялся исправно со всех сторон: Персияне, Черкесы и Калмыки ходили беспрестанно дозором при звуках гобоев, haubois, и литавров, маршируя в такт по укреплениям с необыкновенною радостью, которая была, может быть, и неуместна.

15-го я обедал у воеводы. После обеда он подарил мне прекрасное атласное платье, две пары штанов, две рубахи, весьма вежливо угощал, m'offrit sa table fort civilement, и поблагодарил за порядок, который я поддерживаю между сотнею людей, доверенных мне, и за усердие к службе царской.

19-го было получено известие о том, что казаки быстро, а grandes journees, приближаются. Это подтвердили рыбаки и крестьяне, стекавшиеся со всех сторон в город. Во время этой тревоги вообразили, будто бежавшие люди, вместо того чтобы, согласно данному им приказанию, зарядить пушки, положили только после пороха простой пыж, bouchon, или будто положили пыж прежде, чем насыпать порох, а затем ядро, что было все равно. Доверяя подобным неосновательным предположениям, воевода приказал позвать меня и велел разрядить в моем присутствии пушки; я нашёл их в порядке. В тот же день начальник нашего корабля подал странное мнение на счёт защиты города, после чего ему велено было стоять у Вознесенских ворот, место, на котором находился брат воеводы Михайло Семёнович Прозоровский.

20-го воевода произвёл меня в подполковники полка, в который я не хотел поступить. Тем не менее я вступил в должность против желания полковника, который, воображая, что я сильно добивался этого места, сказал мне однажды, что теперь не время происков, а время думать о защите отечества. Но воевода был так добр, что вывел его из заблуждения; тогда он вызвался хлопотать об утверждении меня в этой должности, за что я поблагодарил его и просил не беспокоиться об этом. На другой день мне назначили пост близ места стоянки этого полковника, в наименее защищённой части крепости.

22-го стали появляться казаки и в тот же день послали одного из своих людей вместе с Московским священником с требованием сдачи города. Кроме письма к воеводе, было письмо на Немецком языке ко мне, в котором советовали мне, чтобы я, если хочу остаться в живых, воспрепятствовал своим людям сражаться, и ни во что бы не вмешивался.

Воевода разорвал письмо, не дочитав его и тотчас же приказал обезглавить обоих депутатов. На другой день около 300 неприятельских лодок подошли к городу и расположились вдоль виноградника, лежащего всего в полумили; в тоже время подожгли Татарский квартал. Стоя с воеводою на крыше его дома и заметив, что несколько рыбацких лодок сновали взад и вперёд по реке, я сказал ему, что это не может быть терпимо, так как эти люди, не смотря на свою бедность, могли быть в сообщничестве с неприятелем. Найдя это мнение весьма основательным, воевода приказал разрушить все лодки, а из четырёх пойманных мятежников двух велел повесить, а двух других обезглавить.

23-го мой полковник предложил опять очень обязательно утвердить меня в моей должности, я же отвечал ему по-прежнему. В тот же день мы приказали раздать солдатам бочку крепкого пива и табак, подаренный нам одним из верноподданных, agents, царя. В следующую ночь, обойдя укрепления, я бросился на матрац, чтобы заснуть час или два, но не успел, так как пришли мне доложить, что мятежники шли штурмовать, и были у Вознесенских ворот. Между тем, заметив приближающуюся шайку, я приказал стрелять из нашей пушки; в это время Фома Бальи, Английский полковник, вооружённый латами, пришёл ко мне с несколькими Немецкими офицерами и сказал, что им изменили и что его стрельцы ранили его в ноги и лицо за то, что он убеждал их поступить честно, а *bien foire*, и мужественно отражать смертельного врага.

Ужасная резня в городе Астрахани

Хотя измена была явна, и я не сомневался в ней, но сделал вид, что верю, будто зло на самом деле не так велико, и посоветовал ему возвратиться к своему посту, где, как я надеялся, найдёт (подчинённых ему) стрельцов сговорчивее. Он и его спутники послушали меня и отправились туда. Стрельцы сначала выказали готовность слушаться его приказаний, что, впрочем, продолжалось недолго, и полчаса спустя пришли мне сказать, что всех их заковали. В то самое время, когда мне говорили об этом, один Немецкий капитан, стоявший подле меня, был схвачен, связан и умерщвлён своими слугами.

Это кровавое зрелище напугало бывшего при мне хирурга, который, чтобы спастись от изменников, хотел, противно моему желанию, броситься со стены; но я не допустил его до этого, предлагая более верное средство к нашему спасению.

Я заметил внизу башни отверстие, весьма способное для бегства, и повёл туда его с его слугою и двумя матросами из нашего экипажа. Когда мы спустились, то сторожа, узнавшие меня, пропустили нас, сначала хирурга, потом меня, но мы не видели больше ни слуги, ни матросов. Как только мы прошли (отверстие), то влезли по шею в воду для того, чтобы пройти к Татарскому кварталу, месту, наиболее безопасному для нас. Во время (этого) перехода мы подверглись множеству ружейных выстрелов. Мы шли не более получаса, когда встретили двух человек, которых приняли за казаков. При виде их хирург испугался и, не думая о том, что делает, выстрелил в них из пистолета и, растерявшись, бросился в реку. Между тем это были двое дворян из города, бежавших, подобно нам, от ярости стрельцов.

Как только я узнал их, то сказал хирургу, что ему нечего их бояться и что можем выйти беспрепятственно, но я напрасно говорил, мой хирург ничего не отвечал, а потому я сам вошёл в воду и вытащил его оттуда полумёртвого от страха. Когда он несколько пришёл в себя, мы

продолжали путь и четверть часа спустя увидели лодку и спавшего в ней человека, которого мы принудили переправить нас на другую сторону.

Этот человек привёз нас в деревушку; в ней не было никого, кроме рыбаков, которым мы рассказали о случившемся. Затем, видя, что в этом месте мы не в безопасности, так как оно было слишком близко от города, я предложил хирургу и Русским (дворянам) просить, чтобы нас проводили дальше. Они не хотели и слышать об этом; но наконец, первый не без труда согласился. Я имел при себе около 35 Голландских франков, на которые купил палатку, десять фунтов хлеба и топор, с чем отправились искать более безопасного убежища.

На расстоянии двух или трёх часов встретили рыбаков, которым рассказали о своём несчастье и разорении Астрахани. Они выказали нам сочувствие и обещали по возможности помочь нам. Они проводили нас к своим хижинам, где мы встретили одного полковника, двух Московских капитанов и 46 солдат. Эти люди отправились из Терского городка, в Астрахань, не зная, что казаки завладели ею. Когда полковник узнал об этом, то решил возвратиться с своими капитанами, а стрельцов оставить там.

И так мы все пятеро сели в одну лодку и приказали везти себя к морю, не удаляясь от берега из опасения встретить то, от чего бежали. В конце дня мы заметили лодку, старавшуюся приблизиться к нам. Но чем более усилия употребляла она для этого, тем усерднее мы старались на вёслах уйти от неё. Однако ж это было бесполезно, и вскоре мы попали в руки наших врагов.

Это были вышеупомянутые 46 стрельцов, которые, рассердившись за то, что полковник покинул их, решили отомстить за себя. Нас было так мало, и мы были так плохо вооружены, что не могли противустоять им и помешать ограбить нас почти до нага. После этого связали нам ноги и привезли к рыбакам, у которых мы оставили их утром. Там они заперли полковника в церковь и позволили молиться, сколько ему угодно; нас же крепче связали и охраняли всю ночь.

На другой день они направились с нами к Астрахани, которую чрез два часа и увидели. Когда же мы были от неё на расстоянии ружейного выстрела, то они отошли в сторону для того, чтобы поделиться награбленным у своих офицеров и у нас. В это время я думал, что, будучи свободны, мы могли бы побежать к лодке, броситься в неё и пуститься в открытое море, поверил это хирургу, который, думал принести пользу, и передал наше намерение полковнику.

Этот трус, надеясь изменой нам умилостивить своих мучителей, посоветовал им наблюдать за нами: те последовали его совету. Не взирая на это, я стоял на своём решении и сказал хирургу, что если мне не удастся занять лодку, то у меня есть руки для того, чтобы переплыть на другой берег реки, откуда пойду к Татарам, которые, как я надеялся, хорошо примут меня. Минуту спустя я отделился и побежал изо всех сил к неглубокому месту реки. Недалеко, однако ж я ушёл незамеченным: за мной (вскоре) погнались и, когда я готов был броситься в реку, камень, сбивший меня с ног, дал врагам время настичуть меня. Они все бросились на меня с таким бешенством и так били, что я не думал уже оправиться. В таком состоянии они связали мне руки и ноги и бросили, как животное, в лодку, куда через минуту вошли сами и повезли нас в Астрахань.

До приезда туда хирург предложил им за меня выкуп в 500 флоринов, а за себя 250. Они отвечали, что не могут не свезти нас в Астрахань, но сделают все, чтобы спасти нам жизнь. Было около шести или семи часов вечера, когда мы вошли в город, в котором прежде всего привели нас к Разину, предводителю казаков, сидевшему на улице около архиерейских палат и пившему с своими старшинами, которые, подобно ему, были совершенно или почти пьяны. Этот предводитель спросил хирурга, кто он таков, и когда узнал об его специальности, то даровал ему жизнь и послал перевязывать раненых из своей шайки. Мне предложил он тот же вопрос, а хирург отвечал, что я его товарищ.

– Что умеешь ты делать? продолжал он, обращаясь ко мне. Я ничего не отвечал, рассчитывая на хирурга, который так удачно начал, а затем покинул меня. Таким образом я остался один, готовый к смерти, которую считал неизбежною. В то время, когда я старался мужаться, чтобы с твёрдостью встретить смерть, допросили полковника и приговорили его сбросить с высоты башни, называемой Роскат, Roscat, откуда был сброшен воевода и служивший у него подъячий, chanceler, вытерпев все жестокости, которые только мог придумать варвар. Что же касается остальных дворян, то одни были изрублены на части, а другие потоплены.

Пред Разиным

В течении короткого моего пребывания пред Разиным, я только и слышал, как говорили о жестокости и мучениях, с которыми так свыкся, что ничем нельзя было поколебать моей решимости. Тогда как я ежеминутно ждал своего приговора к смерти, Стенька пристально посмотрел на меня и приказал дать мне водки. Приказание отдано было очень кстати, так как я чуть не упал в обморок, а две большие чарки этого напитка доставили удовольствие и не допустили до этого, а помогли мне дойти до (месторасположения его) войска, куда он приказал отвести меня.

В плену

Входя в лодку, находившуюся вблизи предводительской (лодки), я был узан стрельцом, который сказал вдове некоего дворянина, что я счастливее её мужа, потому что остался ещё в живых. Стрелец сказал это некоторым другим, а те одному Немцу, который, видя, как рубили иностранцев, перешёл к казакам в качестве друга, хотя в сущности презирал их. Как только этот молодой человек узнал о моем местопребывании, то навестил меня, очень обласкал и, уходя, заявил, что если найдёт возможность услужить мне, то сделает это ото всего сердца.

Я принял его уверения в дружбе так, как следовало, но полагал, что жизнь моя коротка, так как находился в месте, где каждый час топили кого-нибудь из несчастных, в число которых я, без сомнения, скоро должен был попасть. Продержав в течение двух дней в таком смертельном страхе, меня заперли в башню, где связывали мне руки то за спиною, то к ногам, таким жестоким образом, что смерть была бы приятнее для меня. Хирург и немец, о котором я упоминал, узнав, в каком печальном состоянии находился я, навестили меня, утешали и уверяли, будто это тяжёлое время не долго продолжится.

– Ах! сказал я им, как легко утешать, когда сам не страдаешь и как неправы здоровые, удивляясь нетерпению страждущего. Несколько минут я ничего не говорил, так как сильные страдания лишали меня по временам голоса и языка. Как только я в состоянии был говорить, я просил их постараться о том, чтобы они прекратили мои мучения и поскорее лишили бы меня жизни, потому что смерть была единственным моим утешением. Тщетно они убеждали меня ждать безропотно, пока Небо решит мою участь: я умолял их понять, что терпение моё иссякло, и я непременно хочу умереть. У казаков запрещалось просить о заключённых, и никто не смел этого сделать, не рискуя при этом жизнью. Между тем молодой человек, сопровождавший хирурга, вышел с решимостью пренебречь этим приказанием и попросить о том, чтобы положили конец моим мучениям.

Через час после того, как они оставили меня, вошли казаки и связали мне ещё сильнее руки и ноги вместе. В таком положении они бросили меня совершенно нагого в яму, где жабы и многие подобные им животные ползали по мне всю ночь, которую я провёл, моля Бога принять мою душу

как для того, чтобы покончить мои настоящие страдания, так и во избежание ещё угрожавших мне мук.

На другой день мои друзья пришли сказать мне, что предводитель требует меня; сняли с меня оковы и повели к нему. После нескольких слов он приказал мне следовать за Фабером (так звали молодого Немца, о котором я так много говорил) и жить с ним до нового распоряжения. Я прожил у него три или четыре дня. В течение этого времени не проходило минуты, в которую бы кого-нибудь не лишили жизни, изрубив на части или повесив за ноги.

3-го Июля первые мои мучители вытащили меня из дома Фабера и привели на берег реки, угрожая бросить в неё, если я не заплачу им 500 франков выкупа, обещанных за меня хирургом. Великодушный Фабер сказал, что у меня все отняли, и я не в состоянии дать им то, чего они требуют, но он им заплатит. «Дети, сказал он, отсчитывая деньги, вот выкупные деньги за моего друга, часть которых принадлежит и мне, так как я служу тому же господину, но я уступаю вам свою долг, разделите все между собою и оставьте в покое моего друга». Затем он повёл меня с собою и продолжал заботиться обо мне, как об отце. Три дня спустя повели меня к предводителю, который пил с своими друзьями в погребе воеводы. Здесь я увидел трёх казаков, нарядившихся в лучшие мои одежды. Там оставался я с четверть часа, в течение которой предводитель несколько раз пил за моё здоровье, чему я вовсе не радовался, опасаясь каждый час того, что, будучи пьян и привыкши к жестокостям, он прикажет умертвить меня. В таком страхе я думал только о том, как бы удалиться, и сделал это без шума, как только представилась возможность.

Резня продолжается

9-го воткнули крюк в бок секретарю Алексею Алексеевичу и повесили его с сыном Гилянского хана на столбе, на котором они через несколько дней умерли.

После того на стене кремля, повесили за ноги двух сыновей воеводы, из которых одному было всего 8 лет, а другому 16. Так как оба они были ещё живы, то на следующий день младшего отвязали, а старшего сбросили с башни, с которой, за несколько дней до этого, сброшен был отец.

21-го предводитель, в сопровождении 1200 человек, вышел из Астрахани и приказал взять с собой множество маленьких лодок. В городе он оставил по 20 человек из каждой сотни под предводительством двух правителей, бывших одного с ним происхождения, а также из одного и того же города.

В его отсутствие, как и при нем, резня продолжалась, и не проходило дня, в который бы не было умерщвлено более 150 душ. Жестокости, учиняемые без разбору, заставили меня опасаться, чтобы не дошла очередь и до меня. В страхе я выкопал яму, из которой, скрываясь большую часть времени, слышал день и ночь жалобные крики казнённых.

Избавление за откуп

22-го жестокости усилились: стали мучить большее против обыкновения число людей. Эта перемена заставила меня содрогнуться, и я положительно начал отчаиваться в своём спасении, когда хирург пришёл сказать мне, что он получил позволение совершить путешествие и паспорт для себя и одного слуги за порукою моего благодетеля, отвечавшего за его возвращение. Мы условились, что я буду считаться его лакеем. Я тотчас же начал собираться идти с ним в лодку двух Баньянов, Vanianes, которые получили свободный проезд, будучи предварительно ограблены.

24-го я обрил бороду и волоса, а на другой день мы уехали. На следующий день вышли в море и заметили вдали три лодки, следовавшие по тому же пути. По направлению к Югу ветер поворотил к Северо-западу и к вечеру стих.

26-го одна из трёх лодок догнала нас, и мы узнали, что она была нагружена солью, которую везли в Тарки, Terki...